

И. В. Козлик

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ
А. В. ЧИЧЕРИНА
(Repetitorium к теме)**

И. В. Козлик

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ А. В. ЧИЧЕРИНА**

(Repetitorium к теме)

Издание второе,
доработанное

Ивано-Франковск
СИМФОНІЯ ФОРТЕ
2011

ББК 83.002.23
К 59

УДК 82.0

*Печатается по решению учёного совета Института филологии
Прикарпатского национального университета имени Василя Стефаника*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Камянец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко **А. В. Кеба**;

доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и сравнительного литературоведения Тернопольского национального педагогического университета имени Владимира Гнатюка **М. Б. Лановык**;

доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Прикарпатского национального университета имени Василя Стефаника **М. В. Теплинский**.

Козлик И. В.

К 59
Методологические аспекты теории литературного стиля А. В. Чичерина : (Repertorium к теме) : учеб. пособие [для студ. вузов] / Игорь Владимирович Козлик. — Изд. второе, дораб.— Ивано-Франковск : Симфонія форте, 2011. — 48 с.

ISBN 978-617-7009-30-5

Издание содержит материалы для самостоятельной подготовки студентов к коллоквиуму по проблемам изучения теоретического наследия выдающегося филолога-литературоведа XX в., доктора филологических наук, профессора А. В. Чичерина, богатый эвристически-гносеологический опыт которого ещё не задействован надлежащим образом в науке о литературе.

Для студентов-филологов, учителей-словесников, вузовских преподавателей, исследователей литературы как искусства слова и всех, кто интересуется литературоведением.

La publication contient des matériaux pour la préparation individuelle des étudiants pour le colloque des problèmes théoriques d'apprentissage de l'héritage du professeur A. Tchycherin, docteur ès sciences philologiques, critique littéraire du XX siècle, une riche expérience heuristique-gnoseologique duquel n'est pas encore étudiée et employée régulièrement dans la théorie littéraire.

Pour les étudiants-philologues, professeurs d'école, professeurs des établissements supérieurs, investigateurs de la littérature comme l'art de la parole et ceux qui s'intéressent à la critique littéraire.

УДК 82.0
ББК 83.002.23

ISBN 978-617-7009-30-5

© И. В. Козлик, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Алексей Владимирович Чичерин (1900–1989)	6
Библиография основных трудов А. В. Чичерина и литературы о жизни и творчестве учёного	11
ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ А. В. ЧИЧЕРИНА	
1. Фигура А. В. Чичерина на фоне специфики литературоведческой науки	15
2. Тематическая характеристика научного наследия А. В. Чичерина	16
3. Векторная доминанта исследований А. В. Чичерина	16
4. Основные уровни проявления векторной доминанты научных трудов А. В. Чичерина	17
4.1. Уровень сквозного целеполагания	17
4.2. Уровень терминологической работы	19
4.3. Уровень общего характера теоретических размышлений	24
5. Подход А. В. Чичерина в контексте литературоведческого научного опыта	29
Вместо заключения	44
Об авторе	45
Указатель имён	47

Предисловие

Настоящее издание, являющееся доработанным русскоязычным вариантом моего учебного пособия «Методологічні аспекти теорії літературного стилю О. В. Чичеріна: (Repetitorium до теми)» (Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2010), приуроченного к 110-годовщине со дня рождения выдающегося учёного, появилось не случайно. Дело в том, что, читая много лет университетские курсы «Введение в литературоведение» и «Теория литературы», я столкнулся с тем, что теоретические достижения выдающегося филолога А. В. Чичерина, с 1948 года жившего в западноукраинском городе Львове и работавшего в тамошнем университете, фактически не использованы должным образом в имеющейся учебной литературе, а значит, и в учебном процессе. Достаточно сказать, что и в советских учебниках для студентов по введению в литературоведение или теории литературы, и в новейших украинских и российских изданиях аналогичного типа и назначения¹ отсутствует какое-либо упоминание об А. В. Чичерине и его стилистических исследованиях. Ту же ситуацию имеем и в области методики преподавания литературы, по крайней мере в Украине², и это несмотря на

¹ Я имею в виду следующие издания: *Тимофеев Л. И.* Основы теории литературы: учеб. пособие [для студ. пед. ин-тов] / Леонид Иванович Тимофеев. — [Изд. 5-е, испр. и доп.]. — М.: Просвещение, 1976. — 548 с.; Введение в литературоведение: учеб. [для филол. спец. ун-тов] / под ред. Г. Н. Поспелова. — [3-е изд., испр. и доп.]. — М.: Высш. шк., 1988. — 528 с.; Теорія літератури: підручник / [О. Галич, В. Назарець, Є. Васильєв]; за наук. ред. О. Галича. — К.: Либідь, 2001. — 488 с.; Основы литературоведения: учеб. пособие [для студ. пед. вузов] / [В. П. Мещеряков, А. С. Козлов и др.]; под общ. ред. В. П. Мещерякова. — М.: Дрофа, 2003. — 416 с.; *Хализев В. Е.* Теория литературы: учеб. / Валентин Евгеньевич Хализев. — [2-е изд.]. — М.: Высш. шк., 2000. — 398 с. Упоминание же (да ещё в сопровождении иронического комментария) в украиноязычном учебнике А. А. Ткаченко «Искусство слова. (Введение в литературоведение)» (К.: Правда Ярославичів, 1998. — 448 с. — С. 417–418) работы А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля», как и присутствие книги «Идеи и стиль» в двух списках литературы (с. 442, 499) относительно нового учебного пособия для студентов «Введение в литературоведение», вышедшего в 2004 году в московском издательстве «Высшая школа», не меняет существа общей ситуации.

² Например, в не так давно появившихся публикациях, посвящённых терминологическим аспектам школьного анализа стиля художественных произведений (см.: *Таранік-Ткачук К. В.* «Стильовий» чи «стилістичний» вид аналізу художнього твору? / К. В. Таранік-Ткачук // Всесвітн. літ. в середн. навч. закл. України. — 2006. — № 5. — С. 19–20; *Головченко Н.* Структурно-стильовий шлях аналізу художнього тексту: деякі аспекти термінології / Н. Головченко // Всесвітн. літ. в

то, что научный стиль А. В. Чичерина, точный, доступный, концептуально сфокусированный, не перегруженный терминологией, как и проблематика, охват конкретного литературного материала, а также чёткая рецептивная установка учёного, сознательно адресовавшего свои труды и школьным учителям, в максимальной степени приближают чичеринские исследования к специфике педагогической деятельности словесника в общеобразовательной школе. В целом, можно говорить о том, что сегодня нужно создать необходимые методические условия для актуализации и системного усвоения литературоведческого наследия профессора А. В. Чичерина, идеи которого вполне способны стать надёжной почвой, стимулом и фактором перспективного развития высшего филологического образования и литературоведческой мысли как в самой Украине, так и за её пределами. Содействовать решению этой задачи и призвано данное издание.

середн. навч. закл. України. — 2007. — № 2. — С. 35–38), ссылки на труды А. В. Чичерина отсутствуют.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧИЧЕРИН
(1900–1989)¹

Алексей Владимирович Чичерин родился 3 января 1900 года (22 декабря 1899 года по ст. ст.). Он принадлежал к древнему дворянскому роду, который ведёт своё начало от Афанасия Чичери (Чичерини), приехавшего в Москву в 1472 году в свите Софии Палеолог — невесты Великого Князя Ивана III. Потомки Афанасия занимали видные военные и придворные должности во времена царя Алексея Михайловича. В Полтавской битве (1709) в один день погибли пятеро Чичериных — два родных брата и трое их сыновей. Трое Чичериных отличились в Отечественной войне 1812 года (один из них погиб в сражении под Кульмом).

Прадед А. В. Чичерина — Николай Васильевич Чичерин (1803–1859), богатый помещик в Тамбовской губернии, был очень деятельным и образованным человеком, дружил с известным писателем Н. Ф. Павловым (1803–1864), декабристом С. И. Кривцовым, выдающимся поэтом Е. А. Баратынским (1800–1844). Среди его родственников также известный философ Б. Н. Чичерин (1828–1904), советский нарком иностранных дел и автор книги о Моцарте Г. В. Чичерин (1872–1936), композитор С. Н. Чичерина (1904–1983). Известно, что о своей родословной Алексей Владимирович знал, помнил и постоянно ощущал свои связи с прошлыми поколениями и гордился ими.

Судьба А. В. Чичерина была во многом характерной для определённой части русской интеллигенции. Его гимназический период прошёл в Москве. Ещё мальчиком в 1915–1916 годах он участвовал в гимназическом марксистском кружке, собиравшемся у С. Коновалова, сына известного миллионера, министра Временного правительства. Летом 1917 года, в Москве, на Всероссийском съезде учащихся средних школ Чичерин избирается председателем съезда. В годы Гражданской войны, находясь в Тамбове, он работает инспектором школьного отдела ГубОНО. Однако уже в начале 1920-х годов общественные интересы отходят на задний план. В 1920-м году А. В. Чичерин поступает на философское отделение историко-филологического факультета Московского

¹ Биографические сведения составлены преимущественно на основании материалов из издания: Олексій Чичерін: Біобібліографічний покажчик: (До 100-річчя від дня народження) / [укладач Л. Панів; наук. ред. та автор передм. д-р філол. наук, проф. Н. Копистянська; ред. кол. : Б. Якимович (голова), П. Бухаркін, Н. Копистянська та ін.]. — Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. — 212 с., іл., портр. — (Українська біобібліографія. Нова серія. Ч. 3; Біобібліографія вчених університету). — Режим доступа : http://library.lnu.edu.ua/bibl/images/Vudanna_WEB_pdf/3Ukrainska_biobibliografija/3_chycherin.pdf

университета, где среди его учителей были И. А. Ильин, Г. Г. Шпет и С. Л. Франк. Серьёзное увлечение философией привело его к религиозным проблемам, сблизив с кружком православно настроенной молодёжи, образовавшимся вокруг архимандрита Георгия (Лаврова), жившего в конце 1920-х годов в Даниловом монастыре. Именно в это время сформировалось мировоззрение, которому А. В. Чичерин оставался верен всю свою жизнь.

Научная деятельность А. В. Чичерина начинается в середине 1920-х годов, когда выходят в свет его первые книги — «Культура слова в школе» (1924), «Что такое художественное воспитание» (1926), «Литература как искусство слова: Очерк теории литературы» (1927). Одновременно он занимается художественным творчеством и в 1927 году издаёт за свой счёт стихотворный сборник «Крутой подъём». В это время Чичерин входит в поэтическое объединение «Узел», где общается с Андреем Белым, М. А. Булгаковым, В. А. Луговским, С. Я. Парнок, Б. Л. Пастернаком.

В 1920-е годы начинается и педагогическая деятельность А. В. Чичерина. В 1922–1930 годах он преподаёт в новаторских экспериментальных школах Москвы, в частности, в 4-й опытной школе Эстетического воспитания, которой руководила Н. И. Сац и где работал С. М. Бонди. В то же время Чичерин активно сотрудничает в Государственной Академии Художественных Наук.

В январе 1933 года А. В. Чичерина и его супругу, Евгению Петровну, арестовывают. Четыре года он проводит в сибирских и алтайских лагерях. Пережив аресты, Бутырку, лагеря, этот высокодуховный и глубоко верующий учёный не сломался, выстоял и продолжал трудиться. Кажется, то, что когда-то Сергей Сергеевич Аверинцев сказал об Алексее Фёдоровиче Лосеве, в полной мере касается и Алексея Владимировича Чичерина: «У другого опустились бы руки, но его трудового упорства не могло одолеть ничто. В уединении он продолжал своё дело. И в конце концов выяснилось то, что выясняется всегда: что времени нужны не те, кто ему, времени, поддакивает, а совсем иные собеседники».

После возвращения и кратковременной преподавательской работы в Воронеже, Чичерин переезжает в Кострому, где с 1939 года возглавляет кафедру литературы и русского языка. Возобновляется и научная работа. В 1945 году он защищает в Московском городском педагогическом институте кандидатскую диссертацию «Возникновение романа в России и на Западе на рубеже XVIII–XIX веков» (официальные оппоненты И. М. Нусинов и Б. В. Томашевский)².

² См.: Чичерин А. В. Формирование романа в России и на Западе: Дис. ...канд. филол. наук. — Кострома, 1943. — 207 с. — (Моск. гор. пед. ин-т. Машинопись).

Из-за религиозных убеждений Чичерина увольняют из института, и в начале 1948 года по рекомендации Б. В. Томашевского, а также В. И. Борковского, который к тому времени уже работал во Львовском университете, Чичерин переезжает во Львов, где до начала 1970-х годов возглавляет университетскую кафедру зарубежной литературы, а позже занимает должности профессора и профессора-консультанта этой кафедры. Умер Алексей Владимирович Чичерин 15 января 1989 года.

Львовский период был самым продуктивным в жизни учёного. В 1957 году в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), А. В. Чичерин защищает докторскую диссертацию «Роман-эпопея в литературе критического реализма» (официальные оппоненты Б. И. Бурсов, Б. В. Томашевский и Б. М. Эйхенбаум)³. В 1979 году за книгу «Очерки по истории русского литературного стиля» профессор А. В. Чичерин был удостоен премии АН СССР им. В. Г. Белинского.

Книги А. В. Чичерина выходили большими тиражами. Если первые издания исследований «Возникновение романа-эпопеи», «Идеи и стиль» вышли тиражом соответственно 5 тыс. и 3 тыс. экземпляров, то тираж их второго издания — 20 тыс. экземпляров. Аналогично 1-е издание монографии «Ритм образа» — 2 тыс. экземпляров, а 2-е — 20 тыс. экземпляров. Тираж книги «Сила поэтического слова» — 20 тыс. экземпляров, а 2-е издание исследования «Очерки по истории русского литературного стиля» достигло 70 тыс. экземпляров — неимоверный сегодня тираж даже для бестселлера. Всё это большие фундаментальные труды. Но и небольшая работа «Произведения О. Бальзака „Гобсек” и „Утраченные иллюзии”», которая, по мнению Н. Х. Копыстьянской, является шедевром литературоведения, увидела свет сотысячным тиражом. Причём сколько бы не появлялось в печати книг А. В. Чичерина, они мгновенно исчезали с полок книжных магазинов.

Приехав жить в Украину уже достаточно зрелым человеком, А. В. Чичерин столкнулся с украинской культурой, которой открылся с доверительной симпатией и которую ввёл в свою интеллектуальную жизнь. Как отмечает Н. Х. Копыстьянская, А. В. Чичерину было свойственно искреннее уважение к украинской культуре, в частности, к культуре Галичины (которую он хотел познать как можно полнее), к украинскому языку.

А. В. Чичерин любил и уважал Ивана Франко. Даже в последние годы жизни читал и перечитывал романы украинского классика. Научные труды учёного об И. Я. Франко занимают особенное место в украинском

франковедении как образец глубокого осмысления значения И. Франко как писателя и как теоретика в контексте мировой литературы и литературоведения. Учёный сумел показать, как в литературоведческих трудах Франко «соединяется настоящий филолог, исследователь языка и стиля, переводчик, учёный-комментатор с критиком-публицистом, который откликается на новые явления родной и многих иноземных литератур».

Об отношении профессора А. В. Чичерина к Украине и её культуре красноречиво говорит и случай с утверждением темы диссертации одного из преподавателей Львовского политехнического института. «...В середине 60-х годов, — вспоминает М. Нагирный, — я думал над темой диссертации... Составив проспект возможной работы, в сентябре 1966 г. я пришёл на консультацию к проф. А. В. Чичерину. Профессор встретил меня доброжелательно, выслушал всё, просмотрел набросок плана, потом сказал: „Оставьте мне, пожалуйста, этот проспект. На следующей неделе я буду в Киеве и покажу его кое-кому в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко”. <Привезя из Киева положительный отзыв> ... Алексей Владимирович вернул мне проспект и... добавил: „Институт литературы поддерживает Вас, но у меня на этот счёт есть другое мнение. Вы, конечно, можете писать о Кобылянской, о Коцюбинском... Но Вы же по образованию германист и должны заниматься австрийской и немецкой литературой. А в ней есть такие люди, которые интересовались Украиной и её культурой. Отыщите такого представителя, изучите его творчество, и это будет интересное исследование, совпадающее с Вашими симпатиями и специализацией филолога-германиста...”

Поблагодарив за совет и доброжелательность, я распрощался с профессором. Его монолог дал новый импульс к творческому поиску. Мои мысли невольно перебирали имена австрийских и немецких литераторов, которые встречались мне во время чтения эпистолярного наследия украинских новеллистов. Вспомнилось, что Осип Маковей в одной из статей говорит о Карле Эмиле Францозе — австрийском писателе, который черпал тематику для своих повестей и очерков из жизни Украины. ... Когда позже я предложил Алексею Владимировичу новый проспект кандидатского исследования, он одобрил его структуру и содержание. А ещё через некоторое время согласился стать моим научным руководителем».

Постоянный оппонент А. В. Чичерина и одновременно человек, который во многом поддерживал львовского профессора, выдающийся российский филолог-лингвист В. В. Виноградов в книге «О теории художественной речи» писал: «Естественно вспомнить имена некоторых наших филологов, работы которых служат как бы введением в учение о внутреннем единстве формы и содержания в исследованиях о поэтической

³ См.: Чичерин А. В. Роман-эпопея в литературе критического реализма: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — Львов, 1957. — 22 с. — (Ин-т рус. лит. АН СССР. Пушкинский дом).

речи, о языке художественной литературы. Эти имена — следующие: Б. М. Энгельгардт, М. М. Бахтин, Б. М. Эйхенбаум, А. И. Белецкий, Г. О. Винокур, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов, С. М. Бонди, А. В. Чичерин, Д. С. Лихачёв».

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТРУДОВ А. В. ЧИЧЕРИНА И ЛИТЕРАТУРЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ УЧЁНОГО

1958

1. Возникновение романа-эпопеи. — М.: Сов. писатель, 1958. — 372 с.

Содержание: Введение. — С. 3–35. Глава первая: Белинский о романе. — С. 36–56. Глава вторая: Пушкинские замыслы прозаического романа. — С. 57–110. Глава третья: Работа Льва Толстого над романом о декабристах. — С. 111–135. Глава четвёртая: Новаторство Льва Толстого в романе-эпопее «Война и мир». — С. 136–209. Глава пятая: «Разгром» Эмиля Золя как роман-эпопея. — С. 210–245. Глава шестая: Новаторство и традиции в эпопее Романа Роллана «Жан-Кристоф». — С. 246–309. Глава седьмая: Форсайтовский цикл. — С. 310–355. Послесловие. — С. 356–371.

1965

2. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — М.: Сов. писатель, 1965. — 299 с.

Содержание: Предисловие. — С. 3. Введение. — С. 5–12. Часть 1: Идеи и стиль. — С. 15–34. Скрытые силы слова. — С. 35–52. Часть 2: Гёте у истоков романа нашего времени. — С. 55–91. Путь Пушкина к прозаическому роману: 1. Пушкин и теория романа. — С. 92–101. 2. От лирики к роману в стихах. — С. 101–117. 3. От повести к роману. — С. 117–131. 4. Рождение русского романа. — С. 131–142. Точность и сила в языке романов Бальзака. — С. 143–161. Поэтический строй в романах Достоевского: 1. Образование понятий. — С. 162–173. 2. Строение речи. — С. 173–184. 3. Монолог. Диалог. Многоголосица. Юмор. — С. 184–196. 4. Портрет. Обстановка. Пейзаж. — С. 196–215. Стиль романов Льва Толстого. — С. 216–261. Роль противительной интонации в прозе Чехова. — С. 262–268. Заключение. — С. 287–298.

1968

3. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — [2-е изд., доп.]. — М.: Сов. писатель, 1968. — 374 с.

Содержание: Предисловие к первому изданию. — С. 3. Предисловие ко второму изданию. — С. 4. Введение. — С. 5–12. Часть 1: Идеи и стиль. — С. 15–34. Скрытые силы слова. — С. 35–52. Содержательность поэтической формы. — С. 53–66. Часть 2: Гёте у истоков романа нашего времени. — С. 69–104. Путь Пушкина к прозаическому роману: 1. Пушкин и теория романа. — С. 105–114. 2. От лирики к роману в стихах. — С. 114–130. 3. От повести к роману. — С. 130–144. 4. Рождение русского романа. — С. 144–155. Точность и сила в языке романов Бальзака. — С. 156–174. Поэтический строй языка в романах Достоевского: 1. Образование понятий. — С. 175–185. 2. Строение речи. — С. 186–196. 3. Монолог, диалог, многоголосица. Юмор. — С. 196–208. 4. Портрет, обстановка, пейзаж. — С. 209–227. Стиль романов Льва Толстого. — С. 228–273. Изображение философских исканий в реалистическом романе. — С. 274–313. Роль противительной интонации в прозе Чехова. — С. 314–320. Стилистические соответствия. — С. 321–344. Цельность форсайтовского цикла. — С. 345–360. Заключение. — С. 361–372.

1973

4. Ритм образа: Стилистические проблемы. — М.: Сов. писатель, 1973. — 278 с.

Содержание: Предисловие. — С. 5–7. Историческая продуктивность стиля Бальзака. — С. 8–26. Тургенев, его стиль. — С. 27–59. Стилистическое единство «Войны и мира». — С. 60–73. Трилогия тревожных исканий. — С. 4–101. Роль прототипов в творчестве Льва Толстого. — С. 102–125. Ранние предшественники Достоевского. — С. 126–149. Достоевский — искусство прозы. — С. 150–180. Достоевский и барокко. — С. 181–192. Образ времени в поэзии Тютчева. — С. 193–204. Ритм образа в повествовательной прозе. — С. 205–209. Ритм и стиль пушкинской прозы. — С. 210–223. Образ времени в лирике Пушкина. — С. 224–235. Вес, острота и сила слова (о Горьком). — С. 236–249. Стилистические заметки о «Воспитании чувств». — С. 250–257. Загадка «Бувара и Пекюше». — С. 258–269. Роман или антироман? — С. 270–277.

1975

5. Возникновение романа-эпопеи. — [2-е изд.]. — М.: Сов. писатель, 1975. — 375 с.

Содержание: Предисловие ко второму изданию. — С. 3–11. Введение. — С. 12–44. Глава первая: Белинский и проблемы романа. — С. 45–65. Глава вторая: Пушкинские замыслы прозаического романа. — С. 66–119. Глава третья: Работа Льва Толстого над романом о декабристах. — С. 120–143. Глава четвертая: Новаторство Льва Толстого в романе-эпопее «Война и мир». — С. 144–215. Глава пятая: «Разгром» Эмиля Золя как роман-эпопея. — С. 216–251. Глава шестая: Новаторство и традиции в романе-эпопее Романа Роллана «Жан-Кристоф». — С. 252–314. Глава седьмая: Форсайтовский цикл. — С. 315–359. Послесловие. — С. 360–375.

1977

6. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — М.: Худож. лит., 1977. — 445 с.

Содержание: Предисловие. — С. 3–9. Часть первая: Проблемы стиля в литературе XII–XVIII веков. Глава первая: Стили в древней русской литературе. — С. 10–60. Глава вторая: Стили русской прозы XVIII века. — С. 61–82. Часть вторая: Прозаические стили в литературе XIX века. Глава первая: Пушкин. — С. 83–100. Глава вторая: Лермонтов. — С. 101–118. Глава третья: Гоголь. — С. 119–142. Глава четвертая: Аксаков. — С. 143–157. Глава пятая: Гончаров. — С. 158–173. Глава шестая: Достоевский. — С. 174–213. Глава седьмая: Тургенев. — С. 214–226. Глава восьмая: Толстой. — С. 227–271. Глава девятая: Лесков. — С. 272–288. Глава десятая: Щедрин. — С. 289–303. Часть третья: Лирические стили. Глава первая: Ломоносов. — С. 304–316. Глава вторая: Державин. — С. 317–323. Глава третья: Жуковский. — С. 324–329. Глава четвертая: Пушкин. — С. 330–364. Глава пятая: Лермонтов. — С. 365–381. Глава шестая: Баратынский. — С. 382–392. Глава седьмая: Тютчев. — С. 393–411. Глава восьмая: Некрасов. — С. 412–423. Глава девятая: Фет. — С. 424–431. Заключение. — С. 432–434.

1980

7. Ритм образа: Стилистические проблемы. — [2-е изд., расшир.]. — М.: Сов. писатель, 1980. — 335 с.

Содержание: Предисловие. — С. 5–7. Предисловие ко второму изданию. — С. 7–8. 1. Историческая продуктивность стиля Бальзака. — С. 11–25. Тургенев, его стиль. — С. 26–51. Стилистическое единство «Войны и мира». — С. 52–62. Трилогия тревожных исканий. — С. 63–85. Роль прототипов. — С. 86–106. Ранние предшественники Достоевского. — С. 107–125. Достоевский — искусство прозы. — С. 126–150. Достоевский и барокко. — С. 151–160. Образ времени в поэзии Тютчева. — С. 161–173. Ритм и стиль пушкинской прозы. — С. 174–184. Образ времени в лирике Пушкина. — С. 185–193. Вес, острота и сила слова (о Горьком). — С. 194–204. Стилистические заметки о «Воспитании чувств». — С. 205–210. Загадка «Бувара и Пекюше». — С. 211–220. Роман или антироман? — С. 221–226. 2. Для чего изучать литературный стиль? — С. 229–236. У истоков французского романа. — С. 237–257. Ранний Гоголь — романтик. — С. 258–276. Образ автора в «Войне и мире». — С. 277–294. Томас Манн, выбор пути. — С. 295–303. Стиль народных рассказов Льва Толстого. — С. 304–319. Размышления о Бахтине. — С. 320–328. Разговаривающий переводчик. — С. 329–334.

1982

8. Произведения О.Бальзака «Гобсек» и «Утраченные иллюзии»: учеб. пособие [для спец. пед. ин-тов]. — М.: Высш.шк., 1982. — 95 с.

Содержание: Предисловие. — С. 3–4. Введение. «Человеческая комедия»: 1. Бальзак и его время. — С. 5–13. 2. Реализм Бальзака. — С. 13–20. «Гобсек»: 1. Возникновение новеллы. — С. 21–23. 2. Композиция новеллы. — С. 23–26. 3. Портрет в духе Рембрандта. — С. 26–30. 4. Трагедия семьи де Ресто. — С. 30–34. 5. Сила контрастов. — С. 34–36. Поэт и его совесть (о романе «Утраченные иллюзии»): 1. Весьма необычный роман. — С. 37–39. 2. Люсьен Шардон в Ангулеме. — С. 39–46. 3. Люсьен в Париже. — С. 46–51. 4. Кружок в доме на улице Четырёх Ветров. — С. 51–58. 5. Этьен Лусто. — С. 58–66. 6. Корали. — С. 66–73. 7. Катастрофа. — С. 73–79. 8. Гибель Люсьена Шардона. — С. 79–83. 9. Давид Сешар. — С. 83–87. Заключение: Уроки Бальзака. — С. 88–91.

1985

9. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — 2-е изд., доп. — М.: Худож. лит., 1985. — 447 с.

Содержание: Предисловие. — С. 3–9. Часть первая: Проблемы стиля в литературе XII–XVIII веков. Глава первая: Стили в древней русской литературе. — С. 10–59. Глава вторая: Стили русской прозы XVIII века. — С. 60–79. Часть вторая: Прозаические стили в литературе XIX века. Глава первая: Пушкин. — С. 82–99. Глава вторая: Лермонтов. — С. 100–116. Глава третья: Гоголь. — С. 117–140. Глава четвертая: Аксаков. — С. 141–154. Глава пятая: Гончаров. — С. 155–170. Глава шестая: Достоевский. — С. 171–210. Глава седьмая: Тургенев. — С. 211–223. Глава восьмая: Толстой. — С. 224–268. Глава девятая: Лесков. — С. 269–287. Глава десятая: Щедрин. — С. 286–300. Глава одиннадцатая: Чехов. — С. 301–310. Часть третья: Лирические стили. Глава первая: Ломоносов. — С. 311–323. Глава вторая: Державин. — С. 324–330. Глава третья: Жуковский. — С. 311–336. Глава четвертая: Пушкин. — С. 337–370. Глава пятая: Лермонтов. — С. 371–387. Глава шестая: Баратынский. — С. 388–398. Глава седьмая: Тютчев. — С. 399–417. Глава восьмая: Некрасов. — С. 418–429. Глава девятая: Фет. — С. 430–437. Заключение. — С. 438–440.

10. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. — М.: Сов. писатель, 1985. — 319 с.

Содержание: Статьи: Из глубины идущее слово (О повести В. Распутина «Прощание с Матёрой»). — С. 4–8. Движение мысли в лирике Фета. — С. 9–18. Звуковая волна в прозе Тургенева. — С. 19–26. «Во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины...». — С. 27–59. Сила слова у Горького. — С. 60–65. Из истории эпитета. — С. 66–72. Нравственные проблемы в последнем романе Гёте. — С. 73–78. Точность и сила в языке романов Бальзака. — С. 79–97. Поэтический строй языка в романах Достоевского. — С. 98–151. Изображение философских исканий в реалистическом романе. — С. 152–192. О рукописном сборнике XVIII века. — С. 193–207. Николай Каллиникович Гудзий. — С. 208–228. Воспоминания. Давние годы (Главы из воспоминаний). — С. 230–318.

2000

11. Олексій Чичерін: Біобібліографічний покажчик: (До 100-річчя від дня народження) / [укладач Л. Панів; наук. ред. та автор передм. д-р філол. наук, проф. Н. Копистянська; ред. кол.: Б. Якимович (голова), П. Бухаркін, Н. Копистянська та ін.]. — Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. — 212 с., іл., портр. — (Українська біобібліографія. Нова серія. Ч. 3; Біобібліографія вчених університету). — Режим доступу: http://library.lnu.edu.ua/bibl/images/Vudanna_WEB_pdf/3Ukrainska_biobibliografija/3_chycherin.pdf

Дидактические материалы по изучению методологических аспектов теории литературного стиля А. В. Чичерина

1. Фигура А. В. Чичерина на фоне специфики литературоведческой науки

Обращение к творческим достижениям выдающихся учёных (а именно таким был и остаётся Алексей Владимирович Чичерин) ко многому обязывает, требуя для своей адекватной рецепции корректности и даже деликатности. Ведь это всегда предусматривает разговор по существу, о самом главном в конкретной культуросозидательной работе, отмеченной именем неординарной личности. Такой ракурс восприятия сразу актуализирует то общее, что свойственно деятельности любого настоящего учёного. Именно об этом, размышляя о своём учителе, писала Л. Я. Гинзбург в эссе «Тынянов-литературовед» (1974), в котором читаем: «В работах Тынянова всегда есть своего рода научный сюжет, развязка, решение задачи. ...Идеям его была присуща не бесспорность, не неотменяемость (такого не бывает), но применимость, очень долговечная и прочная. <Идеи эти> обладают способностью влиять в разных контекстах и на больших расстояниях от предлагающей их статьи или книги. ...Они порождали новые соображения, применялись и проверялись на практике. Причём на материале, самым Тыняновым ещё не обследованном. Пересаженная в новую среду концепция продолжала работать и приносить новые результаты»¹, питая дальнейшее движение исследовательской мысли.

Все отмеченные черты в определённой степени присущи и научному методу и трудам доктора филологических наук, профессора А. В. Чичерина, для которого словесное искусство и литературоведение были чем-то значительно большим, нежели только объектно-предметной областью его служебной и

¹ Гинзбург Л. Я. Тынянов-литературовед // Записные книжки. Воспоминания. Эссе / Лидия Яковлевна Гинзбург. — СПб.: Искусство-СПБ, 2002. — С. 447, 451. — Режим доступа: http://philologos.narod.ru/tynyanov/ginzb_tynyan.htm

профессиональной деятельности. Ему было свойственно некое личностное, индивидуально-интимное отношение к предмету и объекту своей научной деятельности, без которого не может быть настоящего филолога-литературоведа. Именно о таком случае убедительно говорила в беседе 1978 года Л. Я. Гинзбург, поясняя мысль об особенностях положения исследователя литературы по отношению к объекту и предмету своей науки: «Не только бактериолог не должен любить бактерию, но даже ботанику не обязательно любить цветы. Им нужно любить науку о бактериях и о растениях. Нам же <литературоведам> приносит радость не только процесс исследования, не только результат исследования, но и сам его предмет... Вот почему литературоведение так зависит от состояния литературы»².

2. Тематическая характеристика научного наследия А. В. Чичерина

Профессор А. В. Чичерин, как известно, фактически был исследователем одной научной темы, сосредоточившись на изучении литературного стиля как сугубо литературоведческой проблемы. Литературный стиль, язык словесного произведения как явления искусства были основным сюжетом его жизненных и профессиональных отношений с художественной литературой и наукой о ней. И это была не просто одна из многих других тем науки о литературе. У А. В. Чичерина литературоведческое изучение литературного стиля (иначе — стиля литературно-художественного произведения, индивидуального стиля писателя, художественного языка как явления стиля) — это, как известно, магистральная тема, определившая своеобразие и неповторимость образа исследователя, обусловила яркую целостность и внутреннее единство его научного наследия.

3. Векторная доминанта исследований А. В. Чичерина

Одной из определяющих черт познавательно-мыслительной деятельности А. В. Чичерина есть её очевидная *методологическая*

² Гинзбург Л. Я. О старом и новом: Статьи и очерки / Лидия Яковлевна Гинзбург. — Л.: Сов. писатель, 1982. — С. 43.

(в смысле практическая) направленность, которая убедительно проявила себя в названии статьи «Для чего изучать литературный стиль?», начинающейся такими словами: «Для чего изучать литературный стиль? Подобного вопроса не возникало не только у формалистов, но и у В. М. Жирмунского, и у В. В. Виноградова, А. Н. Соколова, у Б. А. Ларина»³. Зато этот методологический вопрос о целеполагании (целевой структуре, цели и задачах, выражаясь терминами общей — системомыследеятельностной — методологии Г. П. Щедровицкого⁴) постоянно находится в центре внимания А. В. Чичерина, сигнализируя о стержневом векторе эвристических исканий учёного.

4. Основные уровни проявления векторной доминанты научных трудов А. В. Чичерина

Указанная методологическая направленность, присущая и чичеринской теоретической доктрине литературного стиля, может быть рассмотрена относительно таких позиций: сквозное целеполагание, терминологическая работа, общий характер теоретических размышлений, рецепция имеющегося научного опыта.

4.1. Уровень сквозного целеполагания. Речь идёт о целевой синтетичности и рецептивной поливекторности общего научного подхода, когда учёный сознательно направляет литературоведческое изучение стиля на задачи, решение которых (учитывая полифункциональность словесного искусства) требует синтеза целевых интенций имманентного и функционального, онтологического и рецептивно-поэтологического, собственно научного и педагогического подходов. «Главная задача» изучения стиля, читаем в книге «Ритм образа», — «практическая. Не только для другого исследователя писать. ...Растить читателя, способного забираться в глубины слова, брать с корня, слышать музыку речи»⁵.

³ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы / Алексей Владимирович Чичерин. — [Изд. второе, расширенное]. — М.: Сов. писатель, 1980. — С. 229.

⁴ См. об этом: Козлик І. В. Теоретичне вивчення філософської лірики і актуальні проблеми сучасного літературознавства: [монографія] / Ігор Володимирович Козлик. — Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець, 2007. — С. 52–88.

⁵ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 235.

И в другом месте: «Исследователи, часто отдалённые немалым пространством, оказываются единомышленными в таком изучении языка литературного произведения, которое последовательно служит цели более глубокого, тонкого, научного понимания текста и не чурается задачи воспитывать восприимчивого и взыскательного читателя. ... Дело науки — понять и разъяснить силу и значение стиля ради исчерпывающе полного раскрытия идей, чувств, всей цельности поэтического произведения и ещё — ради того, чтобы воспитывать восприимчивость — „чуткость” читателя. ... И школьника нужно учить восприятию... живой глубины произведений искусства, пониманию мысли, движущейся и горящей в каждом слове». «Без этого изучение стиля было бы бесполезным»⁶.

Благодаря этому, собственно гносеологические задачи неразрывно соединяются в работах А. В. Чичерина с воспитательными задачами и — далее — с глубоким осознанием специфических общественных функций науки о литературе и филологического образования, которые должны, помимо всего прочего, формировать чуткость к языку. «Всегда обучали и ныне обучают музыкантов умению слушать музыку, — напоминает учёный. — Выдающийся наш искусствовед А. В. Бакушинский со своими учениками занимался не историей, не теорией живописи, а умением *видеть* картину»⁷. А умению воспринимать художест-

⁶ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова / Алексей Владимирович Чичерин. — [Изд. второе, доп.]. — М.: Сов. писатель, 1968. — С. 5, 22–23, 32.

⁷ Присутствующее здесь противопоставление, с одной стороны, теории и истории живописи, а с другой, воспитания практических навыков восприятия, не преследует цели преуменьшать роль одних учебных дисциплин за счёт других. А. В. Чичерин использует подобный стилистический приём для чёткого очерчивания выражаемой мысли, которую он имплицитно (по ассоциации или аллюзии) противопоставляет определённой существующей практике.

Об аналогичном случае у А. В. Чичерина я уже писал в связи с рассмотрением основных принципов создания учебной литературы для высшей школы (см.: Козлик І. В. Від автора. Основні засади посібника в контексті актуальних проблем вищої філологічної освіти в сучасній Україні // Вступ до історії західноєвропейської літератури середньовічної цивілізації. Історико-культурний макроетап рефлексивного традиціоналізму. Доба Середньовіччя та епоха Відродження / Ігор Володимирович Козлик. — Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець, 2003. — С. 11). Речь идёт о высказанной А. В. Чичериным позиции,

венный текст наших молодых филологов никто не учит»⁸. Причём, когда А. В. Чичерин подчёркивает, что «постоянно культивируемое чуткѣ к языку — главная опора для исследователя стиля»⁹, то воспитательная составляющая научно-доктринальных размышлений учёного касается не только студентов, но и тех литературоведов, которые обращаются к стилистическим исследованиям.

4.2. Уровень терминологической работы. Профессора Чичерина совсем не смущало то, что понятие «стиль» не имеет единого общепризнанного категориального определения. Этот факт для него совершенно не свидетельствовал о научной бесперспективности данной проблематики, поскольку «определить по-разному можно что угодно» и всё зависит от того, с какой стороны подходить к тому, что необходимо дефинировать, а главное — определение должно быть *профессионально приемлемым*, т. е. не искажать и не обесценивать объектно-предметный материал. В изучении стиля такими, по мнению Чичерина, являются только те дефиниции, которые учитывают «творческую природу стиля, интенсивно формирующего мысли и чувства. И тогда различия определений уклоняются либо в сторону идеала отвлечённо совершенного, гармонического стиля, либо в сторону понимания содержательности стиля, неизбежности не только гармонии, но и ухабов, провалов, ритмических перебоев, диссонансов, которыми одинаково богаты и которые одинаково необходимы» у подлинного художника слова¹⁰. Иначе говоря, у

согласно которой «чем меньше студент-филолог будет читать учебники и учебные пособия и чем больше — доступные ему и с л е д о в а н и я , тем будет выше наша филологическая культура» (Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 4). Для тех, кто знает реальную жизнь университетов, вполне понятно, что такая категоричность в суждении авторитетного учёного вызвана неприятием той негативной практики, когда процесс подготовки специалиста строят исключительно на работе с учебниками, а также обусловлена низким уровнем официальных (с грифом «Допущено Министерством...») заидеологизированных и оторванных от реальной литературно-художественной практики советских учебников и пособий по дисциплинам литературоведческого цикла.

⁸ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 235.

⁹ Там же.

¹⁰ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика / Алексей Владимирович Чичерин. — М.: Худож. лит., 1977. — С. 5.

Чичерина речь идёт именно о *методологическом аспекте дефиницирования понятий*, ведь для учёного важно, что уже в определении закладывается направление дальнейшей практической работы с объектом, что приемлемое литературоведческое определение категории «стиль» синкретично соединяет в себе представления о литературном стиле с общими представлениями об искусстве слова (в противном случае утрачивает какой-либо смысл различение литературоведческого и лингвистического подходов к явлению стиля, на чём последовательно настаивал А. В. Чичерин). Эпистемологический опыт Чичерина убедительно показывает, что научность состоит не в частоте употребления категории (например, термина «стиль»), а в умении придерживаться в эвристической работе определённых этой категорией плоскости и параметральной матрицы.

Вот почему такое пристальное внимание А. В. Чичерин уделял терминологической определённости, особенно если речь шла о базовых терминах типа терминологической дифференцированной пары «язык / речь», различения понятий «стилевой» и «стилистический», толкования понятия об индивидуальности стиля.

— *Чем руководствовался А. В. Чичерин в работе с терминами?*

В терминологической работе учёный придерживался определённых правил и критериев. Во-первых, он ставил терминологическую работу в зависимость от специфики литературоведческого изучения искусства слова, отличающей это изучение от всех других отраслей, которые могут иметь свои предметные сферы в едином объекте. Поэтому А. В. Чичерин выступал против автоматического перенесения подходов одной науки в другую, ведь каждая из них имеет свои познавательные цели. Во-вторых, учитывал то, что термин как элемент метаязыка науки входит в определённую понятийную систему, созданную для реализации определённой научной концепции, и именно от этого зависит его, этого термина, содержательное наполнение. В-третьих, считал, что терминологическая работа зависит ещё и от традиций конкретной сферы деятельности.

«Язык»
или «речь»?

Специфика литературоведения как гуманитарной науки состоит в самой тесной взаимосвязи

указанных факторов. Если А. В. Чичерин отрицал «строгое разграничение» в сфере литературоведческого рассмотрения литературы понятий «язык» и «речь» (которого придерживались вслед за Ф. де Соссюром лингвисты), то не потому, что оно абсолютно ошибочное, а потому, что его механическое перенесение в науку о литературе «не только нарушило бы устойчивые традиции, идущие от Пушкина до Горького и от В. Гумбольдта до В. В. Виноградова...», но и было бы делом совершенно бесполезным», ибо литературоведу «удобнее пользоваться этими двумя словами, различая их стилистически по-своему, а не по де Соссюру. ...Наша <литературоведческая> терминология <по сравнению с лингвистической> менее наукообразна, но она не лишена традиций, в ней есть своя гибкость и своя точность. Она соответствует духу родного исследователю языка»¹¹. Иначе говоря, в деле терминологизации слов (включая заимствования из других наук), которые имеют традицию своего употребления как в данной (здесь — литературоведческой) научной области, так и за пределами науки, следует, с точки зрения Чичерина, исходить из того, что «значение слова, употребляемого всеми, образуется не в той или другой учёной брошюре, а в живом и общем понимании этого слова. И в слове „язык“ ничто не искоренит то значение, в котором оно употреблялось, употребляется и будет употребляться»¹².

«Стилевой» или
«стилистический»?

Чтобы увидеть сущность совершённого учёным категориального выбора, необходимо обратить внимание на основания, факторы (они те же, что и в предшествующем случае), на конкретную мотивацию и критерии этого выбора. Речь идет, в частности, об учёте практики функционирования слова в живом языке. Чичерин пишет: «Почему „стилистические“ <проблемы>, а не более по-модному „стилевые“, почему „стилистический“ анализ, а не „стилевой“? По той же причине, почему говорят химический анализ, математический анализ, а не говорят „химовой“ или „математиковый“. И

¹¹ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 8, 9.

¹² Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 19.

математический анализ может быть очень разным и стилистический тоже»¹³.

Словосочетание «стилевой анализ» А. В. Чичерин считает нелегитимным в литературоведческом рассмотрении литературных произведений потому, что оно смешивает различные предметные сферы («могут быть разные *стилевые направления* в литературе», «стилевые уклоны», «это слово можно отнести к предмету изучения», но не «для обозначения характера научного труда»¹⁴) и при этом не позволяет отмежевать полноценный анализ литературного стиля от абстрактных и научно несостоятельных размышлений о стиле, которые игнорируют аналитическую работу с языком художественного произведения¹⁵.

В свою очередь, определение «стилистический» по отношению к характеру проблем, аспектов эвристической работы сигнализирует о том, что разговор о стиле ведётся на основании анализа языка литературных произведений, указывает на определённый эвристический метод, который «зиждется на том, чтобы исходить из исследования слова, его звуковой, морфологической и синтаксической формы, продвигаться дальше по одной неразрывной линии к образности речи, к образу человека или природы, к идее литературного произведения, к творчеству того или другого автора в целом»¹⁶. Определение «стилистический» сигнализирует, с одной стороны, о том, что речь идёт об анализе стилевой роли языковых единиц в плоскости взаимосвязи и корреляции между идеей и стилем¹⁷, что в художественном произведении «всё входит в общий строй, всё по-своему действует»¹⁸, что языковые единицы, например, синтаксические формы, «могут обозначать очень разные, даже противоположные явления стиля, но они всегда существенны для него», будучи «органически связаны со строем художественного мышления, познания мира и прояснения мысли»¹⁹; а с другой стороны,

обозначение «стилистический» по отношению к атрибуции определённого вида анализа сигнализирует о том, что изучение проблемы стиля имеет разные аспекты, начиная с выяснения стилистического значения грамматических форм и вплоть до области построения сравнительной истории мировой литературы, обнаруживающей и обосновывающей «соотношения, связи, законы»²⁰ мировой литературной эволюции.

— *Можно ли считать взгляды А. В. Чичерина на терминологические проблемы в литературоведении во всём и всегда правильными?*

Любой подход в чём-то непродуктивно ограничен, имеет свои крайности, свою внутреннюю инерцию, а в случае с гуманитарной сферой сюда прибавляется ещё и существенный субъективный фактор.

Например, акцент А. В. Чичерина только на отрицательных случаях использования дифференциальной пары Ф. де Соссюра «язык / речь» не учитывает, по-моему, положительного опыта междунанучного обмена, содержащегося в книге Ю. М. Лотмана «Анализ поэтического текста». Тут в разделе «Язык как материал литературы» автор совершенно органично и уместно использовал для характеристики текста как коммуникативной системы указанную лингвистическую дифференциацию, удачно (с учётом семиотического толкования понятия «язык») соединив её с соответствующей дифференцированной парой из теории информации. «На каком бы уровне мы ни рассматривали текст, мы обнаружим, что определённые его элементы будут повторяться, а другие — варьироваться. ...Сознавая это, мы сможем выделить в каждой коммуникационной системе аспект инвариантной её структуры, которую вслед за Ф. де Соссюром называют языком, и вариативных её реализаций в различных текстах, которые в той же научной традиции определяются как речь. Разделение плана языка и плана речи принадлежит к наиболее фундаментальным положениям современной лингвистики. Ему приблизительно соответствует в терминах теории информации противопоставление кода (язык) и сообщения (речь). ...Отношение естественного языка и поэзии определяется сложностью соотношения первичных и

¹³ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: там же. — С. 8.

¹⁶ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 7–8.

¹⁷ Див.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 12.

¹⁸ Там же. — С. 26.

¹⁹ Там же. — С. 368.

²⁰ Див.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 12.

вторичных языков в едином сложном целом данной культуры»²¹.

Часто вдохновенная критика того или иного слова-термина обуславливается тем, что оно, это слово, является сигналом (репрезентантом) определенной концепции, действенность которой Чичерин отрицал. Это касается, к примеру, слова «приём»²², над которым учёный иронизирует именно потому, что им активно пользовались формалисты.

Однако это и ему подобные обстоятельства не отменяют главного, по моему мнению, вывода: общий подход А. В. Чичерина к проблемам терминологической оснащённости литературоведческих исследований имеет свою логику и свои основания, над которыми не лишне задуматься и сегодня.

4.3. Уровень общего характера теоретических размышлений. Доктринальное мышление Чичерина выстраивается на соединении теоретического (обобщающий максимум) и практического (учёт последовательности в алгоритме практического анализа) аспектов. Скажем, выяснение стилистической роли сюжета предусматривает движение от общего «определения к сущности дела, к значению сюжета», выяснение того, «является ли сюжет по своей природе, по своей стилистической роли только средством занимательности, средством художественной организованности, или им решаются и другие задачи»²³.

— *Не свидетельствует ли такая последовательно методологическая направленность чичеринской концепции литературного стиля об её умеренной теоретической значимости?*

Не свидетельствует. Как и выше отмеченное соединение в доктринальных построениях учёного теоретического и практического аспектов не нивелирует собственно теоретической ценности чичеринской концепции стиля. Последняя, к примеру, позволяет проблематизировать традиционное в восточнославянском литературоведении представление о художественной системе произведения,

²¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха: пособие [для студ.] / Юрий Михайлович Лотман. — Л.: Просвещение, 1972. — С. 20, 21. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotm/index.php

²² См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 30, 66.

²³ Там же. — С. 10–11.

концептуально развёрнутое Л. С. Левитан и Л. М. Цилевичем и в соответствии с которым «художественная система литературного произведения — это единство речевого строя и сюжета, организуемое композицией и обладающее ритмическими и пространственно-временными свойствами»²⁴. Ведь остаётся невыясненным, почему сюжет и композиция объединяются названными авторами в один элемент системы литературного произведения²⁵, хотя как известно из той же традиционной парадигмы академического литературоведения²⁶, каждый из них, т. е. и сюжет и композиция, имеют своё внутреннее построение и элементарный состав. Точно так же открытым у Л. С. Левитан и Л. М. Цилевича остался совсем не факультативный для их концепции вопрос о том, что соединяет в границах художественной системы литературного произведения координационные (одноуровневые, например, между разными уровнями упорядоченности художественной речи²⁷) и субординационные (разноуровневые, например, между художественной речью и сюжетом²⁸) отношения. Наконец, теоретической разработки требует и вопрос, на каком основании Л. С. Левитан и Л. М. Цилевич отождествляют взаимодействия, разворачивающиеся внутри художественной системы произведения, со взаимоотношениями, выходящими в интертекстуальную плоскость развития художественной литературы (например, произведение – жанр, произведение – стиль²⁹).

Не вдаваясь в детали, можно утверждать, что на фоне чичеринского подхода к стилю указанное представление о художественной системе литературного произведения нуждается в смене акцентов и доминант. Иначе говоря, доминирующая структурная роль в системе произведения должна принадлежать не композиции, как считают Л. С. Левитан и Л. М. Цилевич, а слову,

²⁴ Левитан Л. С. Сюжет в художественной системе литературного произведения / Лия Соломоновна Левитан, Леонид Максович Цилевич. — Рига: Зинатне, 1990. — С. 16.

²⁵ См.: там же. — С. 15.

²⁶ См.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. — М.: Наука, 1964. — С. 408–485.

²⁷ См.: Левитан Л. С. Сюжет в художественной системе литературного произведения. — С. 16.

²⁸ См.: там же.

²⁹ См.: там же.

языковому уровню, и главное, как это позиционирует А. В. Чичерин, — стилю. Ведь в «литературном произведении не бывает обособленного слова, все слова взяты вместе. Не просто склеить рядом поставленные слова, а слить их, пропитать одно другим, а другое третьим — в этом искусство и стиха, и прозы. ...Взаимодействие слов сказывается в том, что каково слово, таков и синтаксический строй, каковы они оба, таково и строение образа. И композиция вырастает из слова»³⁰. Отсюда — образованный совокупностью внутренних ритмов произведения³¹ и тотальностью действия в его организации принципа внутренней необходимости³² стиль, который всегда свидетельствует о существовании определённой цельности и является фактором, всё себе подчиняющим, присутствующем там, где отдельное слово «растворяется» в определённом общем качестве в процессе восприятия. Стиль — это «своего рода музыка внутри других видов искусства. В звуковой силе слова, в ритме речи, в музыкальном ладе синтаксического строя — исходные позиции литературного стиля, который далее распространяется на характер образной системы, на композицию поэмы и романа»³³.

Именно литературоведческая категория «стиль», с точки зрения А. В. Чичерина, «подразумевает единство слова и образа, образа и композиции, композиции и идей поэтического произведения»³⁴. Интерпретируя тезис Достоевского о том, что «Соборяне» Лескова как поэма — прекрасны, а как роман — не удались, Чичерин отмечает, что «поэма» как замысел (внутренняя форма) произведения и «роман» как полное осуществление замысла — это обозначение двух этапов поэтической работы, а именно внутренней формы романа и его завершённой формы, которые одна без другой «немного стоят». В полной мере связь между ними осуществляется в окончательно завершённом языке литературного произведения, фиксирующем и сохраняющем «в полной мере жизнь и целеустремлённое движение мысли.

³⁰ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 235.

³¹ См. об этом: там же. — С. 236.

³² См. об этом: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 227.

³³ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 232.

³⁴ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 20.

Поэтому верное понимание стиля заключается в том, чтобы вскрыть характерные свойства словоупотребления, в частности эпитеты, метафоры, показать связь этих микроорганизмов с особенностями синтаксического строя, и в том и в другом увидеть тот способ мышления, который создаёт образы, отсюда естественный переход к композиции и к раскрытию... внутренней формы произведения в целом. Тогда в стиле обнаруживается живая мускулатура, добывающая и проясняющая идеи»³⁵. Внутренняя форма охватывает, говоря современными терминами, всё динамическое единство микро- и макрообразов и саму целостность произведения. «Это смысловая категория, которая разъясняет композицию, предотвращает формалистическое её понимание»³⁶.

Индивидуален ли стиль?

Рассмотрение Чичериным вопроса об индивидуальности стиля позволяет также пересмотреть выдвинутый Л. С. Левитан и Л. М. Цилевичем тезис о том, что «стиль — это нечто... неповторимо индивидуальное»³⁷. Речь идёт не об абсолютном опровержении указанного тезиса, а о рельефном и полном концептуальном развёртывании той рациональной мысли, которая в нём только обозначена. В частности, имеется в виду то, что утверждение индивидуальности стиля осуществляется Чичериным с учётом действия закона литературной преемственности как фундаментального закона динамического онтологического бытия словесного искусства в историческом пространстве и времени³⁸. В такой плоскости чичеринское толкование стиля базируется на органичном соединении понимания того, что стиль выражает неповторимое, самобытное авторское начало, с осознанием того, что стиль не является «чем-то строго индивидуальным», поскольку существовал стиль немецких, французских романтиков, и конкретные писатели создали

³⁵ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 51–52.

³⁶ См.: там же. — С. 52.

³⁷ Левитан Л. С. Сюжет в художественной системе литературного произведения. — С. 16.

³⁸ См. об этом: Козлик І. В. Теоретичне вивчення філософської лірики і актуальні проблеми сучасного літературознавства. — С. 164–167.

оригинальные вариации одного и того же стиля³⁹, и есть стиль повести и стиль романа⁴⁰, и есть, наконец, диалектическое единство в стилевом развитии литературы общего, особенного и индивидуального, которые нельзя разъединить в живой структуре литературно-художественных феноменов.

Так, отмечая у Л. Толстого «в известном смысле глубоко личный язык», Чичерин объясняет, что «личное в создании стиля — далеко не только личное: здесь образуется новая стадия в истории литературного стиля»⁴¹. И о Чехове: «Исследование чеховского стиля, как и всякого стиля, ...ведёт к обобщениям, имеющим большое значение для понимания литературного развития на том или другом историческом этапе. Конечно, всякий писатель, тем более всякий крупный писатель, имеет свой облик, единственный и неповторимый. <Но этому> ...никак не противоречит обнаружение ...соответствий»⁴². «Изучение стиля обогащает историзм науки, показывает стилистические типологические соответствия, а также историю стиля внутри истории литературы»⁴³. «Отнюдь не отрицая важность изучения классицизма или романтизма, — мотивирует свой предметный выбор Чичерин, — автор поставил перед собой другую задачу — рассмотрение наиболее значительных индивидуальных стилей, их связи между собой, плодотворного их взаимопоглощения в истории, нарастания новых стилей из стилей прошедших»⁴⁴.

Иначе говоря, Чичерин против абсолютизации отличий, когда отрицается индивидуальная составляющая стиля, и против сведения стиля только к индивидуально-неповторимому: необходимо всегда соединять поиски отличного в сходном с нахождением сходного в отличном⁴⁵, поскольку именно на этих,

³⁹ См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 7, 227, 249, 250.

⁴⁰ См.: там же. — С. 130, 144.

⁴¹ Там же. — С. 251.

⁴² Там же. — С. 321.

⁴³ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 5.

⁴⁴ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 4.

⁴⁵ Чеховский стиль, читаем у Чичерина, определён новой действительностью. «Этот стиль, столь родственный по своему духу его ближайшим предшест-

как сказал бы Гегель, переходах и рождается мерцающий художественный смысл — та окончательно неуловимая смысловая динамика, которая и называется произведением искусства⁴⁶. Более того, стиль, считает Чичерин, «индивидуален и в такой же степени историчен, потому что сама индивидуальность писателя — социальна», потому что он, писатель, образованный человек и весь его общественно-коммуникативный опыт, начиная с детства, приобщал его «к духовной жизни его народа»⁴⁷.

5. Подход А. В. Чичерина в контексте литературоведческого научного опыта

Аналитическая работа Чичерина базировалась на целенаправленном критическом рассмотрении⁴⁸ методологической матрицы эвристических позиций, на упорядочивании сделанного предшественниками с целью отсеять устаревшее, выделить и развить дальше всё научно плодотворное. Позиционируя себя как последователя теоретико-методологической линии Гумбольдт-Потебня, А. В. Чичерин писал: «Двойное освобождение Гумбольдта и Потебни от их собственных заблуждений и от наслоений Фосслера, в то же время смелое развитие и расширение некоторых выдвинутых ими учений и понятий может стать делом весьма плодотворным»⁴⁹. Другими словами, речь идёт о чётком и

венникам, всё же в наиболее оригинальном был им противоположен» (Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова — С. 315).

⁴⁶ О произведении как зоне динамического перехода см.: Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности / Михаил Моисеевич Гиршман. — [2-е изд., доп.]. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — С. 14.

⁴⁷ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 4.

⁴⁸ Попутно замечу, что приверженность А. В. Чичерина трезвому, продуманному, не идеализирующему взгляду на вещи проявила себя не только по отношению к науке, но и в отношении к искусству. Об этом красноречиво свидетельствуют характеристики, которые он даёт «своему любимцу» Бальзаку и Пушкину: «Невозможно спорить против того, что у Бальзака в его громадном литературном наследстве немало выспренного, неотстоявшегося, неокрепшего (Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 174); «у гениального лирика — Пушкина много стихов и заживо мёртвых и скучных» (А. В. Чичерин о Пушкине // Звонница. — 1990. — № 1, май. — С. 6).

⁴⁹ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 35.

открытом мировоззренчески-методологическом выборе учёного, его, как сказал бы М. М. Бахтин, «ответственном поступке», который обусловил всю его дальнейшую судьбу в науке.

Методологически (плоскость базовых принципов мыследеятельности), а не только сугубо теоретически анализируя и оценивая отдельные современные ему и отличные от его собственной исследовательские практики, честно и открыто высказывая своё отношение к ним для актуализации и решения проблем опять таки методологического характера, А. В. Чичерин последовательно руководствуется установкой «отчётливо различать и противопоставлять разные пути, ведущие к разным целям»⁵⁰.

**А. В. Чичерин
и
В. В. Виноградов**

Обращаясь к трудам академика В. В. Виноградова (неоспоримого в советские времена официального авторитета в филологической науке), А. В. Чичерин критически разбирает их с точки зрения проявившейся в них «системы мысли», которую считает «недостаточно плодотворной»⁵¹. Постоянно акцентируя на неординарности личности и «огромном значении» научных трудов этого учёного, А. В. Чичерин в то же время четко отмечает, что «изучая язык художественного произведения, В. В. Виноградов не доходил до целостного понимания стиля»⁵². Лингвист в нём не только обогащал, но и теснил литературоведа. Вот почему, сохраняя благодарную память о нём, ценя его труды, хотелось

⁵⁰ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 17.

⁵¹ Там же. — С. 9–10.

⁵² Целостное понимание стиля А. В. Чичерин ещё называет органичным (или смысловым) пониманием стиля как «самоё единства содержания и формы, как содержательности формы, как отработанного до ясности мышления, чувства писателя, как его орудия при восприятии мира, как раскрытия тех возможностей, которые заключены в слове, как идейного влияния на людей и созидания культуры» (Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 4). Такое понимание стиля предполагает изучение «действенной природы слова» в литературно-художественных произведениях и «обосновывает цельное понимание литературы как искусства, обнажая и его идеологическую, и его эстетическую сущность, показывая глубины и строгое единство того и другого» (Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 5).

всегда и хочется теперь идти не с ним, а вперёд и дальше»⁵³. В общем, критика виноградовских работ нужна А. В. Чичерину для того, чтобы рельефно (на теоретическом и практическом уровнях) обосновать принципиальное методологическое значение различия собственно лингвистического и сугубо литературоведческого подходов к проблемам литературного стиля, отмечая ограниченность стремления сводить исследование стилистических проблем к наблюдениям над системой «индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения»⁵⁴. Отдавая предпочтение «наблюдению» как «конечному пункту познания конкретного стилевого объекта», невозможно исследовать внутреннюю природу предмета, поскольку наблюдение «может быть ценным только на самой ранней, предварительной стадии, а не конечной задачей»⁵⁵.

**А. В. Чичерин
и
М. М. Бахтин**

Методологически ближе А. В. Чичерину был М. М. Бахтин. О бахтинских трудах А. В. Чичерин высказывался не только при случае, например, в книге «Идеи и стиль»⁵⁶. М. М. Бахтину посвящена отдельная статья книги «Ритм образа» под названием «Размышления о Бахтине». Здесь схвачены ключевые методологические характеристики бахтинской мыследеятельности и способа работы с гносеологическим материалом. Чичерин хорошо понимает, что суждениям Бахтина «свойствен всеобщий характер, теоретический в смысле этой всеобщности и практический в том смысле, что они непосредственно относятся к самой работе филолога-литературоведа» и «вносят нечто существенно новое в понимание природы, жизни, деятельности поэтического слова...»⁵⁷. Привлекая к оценке эвристического метода Бахтина контекст развития гуманитарного познания XIX–XX веков (а конкретно — представленного Г. В. Ф. Гегелем и Г. Г. Шпетом), Чичерин

⁵³ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 8.

⁵⁴ Виноградов В. В. О языке художественной литературы / Виктор Владимирович Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959. — С. 85.

⁵⁵ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 230.

⁵⁶ См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 222–224.

⁵⁷ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 320.

показывает познавательные пределы бахтинского метода, в частности отмечая: «Далёкий от Гегеля в своей философской концепции, М. М. Бахтин всё же заражён чрезмерной гегельянской дальнорзоркостью, благодаря которой видимыми становятся эпохи, литературные течения, жанры, тогда как авторы, образы, конкретные стили оказываются неприметными. ... Даже обращаясь к определённому автору, исследователь воспринимает его в целом, всю систему его творчества, не анатомируя, не вникая в возникающие противоречия»⁵⁸. Учитывая это, Чичерин заключает, что Бахтин по способу своей мыследеятельности близок Шпету, труды которого «выдержаны в... строго обобщённом виде», когда в книге под названием «Внутренняя форма слова» не показана «внутренняя форма ни одного определённого слова»⁵⁹.

При этом для Чичерина принципиально важным и созвучным собственным методологическим позициям было то, что Бахтин «в отличие от академика В. В. Виноградова и всех, кто безоговорочно за ним следовал, ... решительно обособляет литературоведческий подход к слову от лингвистического» и, «естественно, не считаясь с де Соссюром в противопоставлении языка и речи, сохраняет родственные отношения с философией языка Гумбольдта и Потебни»⁶⁰. Именно это обстоятельство, обозначенное А. В. Чичериным как «самый надёжный и плодотворный исходный пункт» бахтинских исследований (которым, помимо этого, присуща ещё и антиформалистская направленность, что тоже имело для Чичерина принципиальное значение⁶¹), роднит этих двух выдающихся учёных. Ведь именно «философия языка В. Гумбольдта, в её применении А. А. Потебней к изучению литературного стиля»⁶², является, как известно, источником и почвой для собственной научной доктрины А. В. Чичерина. Возможно поэтому не «система мысли», как это было в случае с Виноградовым, а именно «многие суждения», вызывающие «обоснованные сомнения», стали для Чичерина объектом критики в случае с Бахтиным (имеется в виду книга «Проблемы поэтики Достоев-

ского» и сборник избранных работ «Вопросы литературы и эстетики»). Это касается, в частности, абсолютизации теории полифонического романа, в пределах которой Бахтин утверждает, что последнее слово автор оставляет героям, а сам только пассивно наблюдает над происходящим⁶³. Беря во внимание реалии романских текстов Достоевского и романский опыт других авторов (не учтённый Бахтиным⁶⁴), а также саму природу литературно-художественного творчества, Чичерин обращает внимание на том, что в произведениях Достоевского «автор чрезвычайно интенсивно присутствует в каждой клеточке созданных им трагедийных творений. Он сам мыслит, для себя и для других, горячо, пылливо, он явно обнаруживает свои мысли»⁶⁵, и в «Братьях Карамазовых», «кроме голосов есть и голосоведение в составе архитектоники романа»⁶⁶, в «Анне Карениной» «нередко авторская мысль просвечивает во взгляде, в голосе, в слове крестьянина или слуги»⁶⁷. Другими словами, полифоничность художественного произведения связана не с ликвидацией в его художественном мире авторского присутствия, а с вопросом о выявлении в таком произведении особенных (с сравнении с произведением неполифоническим) механизмов и форм выражения авторского сознания, без которого произведение искусства невозможно. Вот почему, кстати, закономерно, что многие из суждений, используемых Бахтиным по отношению к «полифоническому» Ф. Достоевскому, вполне, как справедливо замечает Чичерин, приложимы и к «монологическому» Л. Толстому⁶⁸.

**А. В. Чичерин
и
формалисты**

А. В. Чичерин позиционировал свой эвристический метод литературоведческого исследования литературного стиля также и посредством сопоставления с опытом формальной школы 1920-х годов. Активно — как видно по стилю высказываний — не принимая формализма (что, как известно, в разной степени присуще М. М. Бахтину,

⁵⁸ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 320.

⁵⁹ Там же. — С. 321.

⁶⁰ Там же. — С. 320, 322.

⁶¹ См.: там же. — С. 328.

⁶² Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 35.

⁶³ См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 290.

⁶⁴ См.: там же. — С. 224.

⁶⁵ Там же. — С. 222–223, 226–227.

⁶⁶ Там же. — С. 292.

⁶⁷ Там же. — С. 271.

⁶⁸ Там же. — С. 223.

В. М. Жирмунскому, Д. С. Лихачёву и др.), Чичерин считал, что формалисты «вводили бутафорскую фразеологию, мнимо научную, засорившую нашу науку. Щеголяли „сложным комплексом специфически структурных законов“, „иерархической значимостью“, „углом зрения функциональным...“. Без выяснения того, в чём именно „сложность“ и какой состав „комплекса“, что значит „специфически-структурный“, что такое „иерархическая значимость“»⁶⁹.

В то же время процитированное утверждение позволяет (причём, совершенно в духе ведущих чичеринских оценочных критериев) указать и на проявления неточности или категоричности в определённых суждениях самого Чичерина. Так, понятия, упомянутые в выше процитированном высказывании, принадлежат Ю. Н. Тынянову, который при этом объективно близок и пересекается с Чичериным в плоскости первоочередных методологических характеристик и теоретических основ научного мировоззрения. Например:

— «у Тынянова было свойство, выработанное в борьбе со старым, академическим литературоведением, — не доверять формулам, существующим по инерции»⁷⁰. Точно так же и для Чичерина (ещё с детства, под влиянием его домашнего учителя и «вечного студента» С. Н. Григорова) было главным — «иметь свои убеждения, самостоятельность мысли, верность этим убеждениям, глубокое презрение к шаблонам и стандартам распространённых, но необоснованных мнений»⁷¹;

— в исследованиях о декабристах «Тынянов не говорил отдельно о взглядах декабристов и отдельно об их стихах. Он показал — впервые, — как эти взгляды воплотились в темах, жанрах, в словах декабристской поэзии. Конкретно — он показал эстетическую нераздельность мысли и слова»⁷². В свою очередь, и Чичерин базировал свою исследовательскую деятельность на «глубоком понимании связи языка и мысли, ... понимания того, что в строе речи... сказывается характерное для автора восприятие

⁶⁹ Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 229.

⁷⁰ Гинзбург Л. Я. Тынянов-литературовед. — С. 449.

⁷¹ Чичерин А. В. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания / Алексей Владимирович Чичерин. — М.: Сов. писатель, 1985. — С. 311.

⁷² Гинзбург Л. Я. Тынянов-литературовед. — С. 450.

жизни, понимание человека и общества». Дело литературоведа, с точки зрения Чичерина, — понять «характер... поэтического мышления <писателя> (его силу и слабость) в системе его идейного и языкового своеобразия»⁷³;

— «Тынянов мыслил исторически и не мог мыслить иначе... Он пришёл в ОПОЯЗ сравнительно поздно, после активной работы в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова; пришел потому, что его привлекала новая и острая проблематика исследования литературной специфики, привлекала борьба против академической рутины и против абстрактной эстетики символистов. Но Тынянов принес с собой два неотъемлемых свойства своего научного мышления — чрезвычайный интерес к смыслу, к значению эстетических явлений и обостренный историзм. Именно эти свойства и должны были разрушать изнутри первоначальную доктрину формальной школы»⁷⁴. Подобно этому и Чичерин рассматривал стиль как историческую категорию, беря его «в движении, в переходах от одних стилистических признаков к другим, отчасти сходным с тем, что уже было, но и существенным образом противоположным. ...Всё постоянно движется к невидимой цели»⁷⁵.

**А. В. Чичерин
и
Ю. М. Лотман**

В работах А. В. Чичерина присутствует и скрытая оппозиционность, когда чувствуется, что учёного что-то сдерживает от открытой (как в случае с Виноградовым и лингвистами, Бахтиным или формалистами) полемики или тем более развёрнутой критики определённого эвристического опыта. Это касается структурно-семиотического подхода в литературоведении, который активно разрабатывал и пропагандировал глава «тартуской школы» Ю. М. Лотман. О том, что Чичерин знал о возрастающем воздействии семиотики на литературоведение, косвенно (поскольку непосредственно указываются лингвисты, а не литературоведы) свидетельствует его отрицательное отношение к теории знаковой природы слова, в

⁷³ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 21.

⁷⁴ Гинзбург Л. Я. Тынянов-литературовед. — С. 450, 451.

⁷⁵ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 434.

частности, к сосюрговскому тезису о произвольности знака (т. е. оторванности означающего от означаемого⁷⁶). Но есть и прямое свидетельство осведомлённости Чичерина относительно структуралистских достижений в литературоведении и одновременно отрицательного к ним отношения. Я имею в виду употребление в одном из суждений производной лексемы от слова «код», взятого структуралистами из теории информации и часто использованного ими для структурной характеристики литературных феноменов. «Хотелось бы, — завершает А. В. Чичерин свои очерки по истории русского литературного стиля, — до полной ясности довести и ту мысль, что механистическое <т. е. формалистическое определение стиля как совокупности приёмов>, школьно-методическое, а тем более так называемое „кодовое“ понимание стиля — это смерть для нашей науки. В подлинной любви к слову, филологии — её жизнь»⁷⁷.

Однако при этом нельзя не заметить, что показательная для доктрины Чичерина объективная эвристическая направленность на системность (т. е. сознательный учёт всех аспектов целенаправленных отношений разноуровневых языковых единиц в формировании законченного художественного стиля / произведения), как и убеждение, что «ключ к постижению стиля — в медленном чтении, в восприятии слов и предложений»⁷⁸, что «изучение изменчивой стилистической роли грамматических форм ведёт нас к микроэлементам, образующим стиль, вглубь языка самого по себе и в мастерскую художественного слова», когда «появляются соответствия и знаки равенства там, где грамматика не устанавливала ни соответствий, ни знаков равенства»⁷⁹, никоим образом не противоречит методологическим основаниям и теоретико-концептуальным интенциям лотмановской структурной поэтики, небезосновательно названной Е. Г. Эткиндром «структурализмом с человеческим лицом»⁸⁰. Ведь «выявить внутреннюю

⁷⁶ См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 58–60.

⁷⁷ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 434.

⁷⁸ Там же. — С. 433; Чичерин А. В. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. — С. 63.

⁷⁹ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 61.

⁸⁰ См. об этом: Егоров Б. Ф. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана / Борис Фёдорович Егоров. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — С. 164.

структуру произведения, природу его художественной организации» и пр. можно, по мысли Ю. М. Лотмана, только рассматривая текст произведения «от первого слова до последнего»⁸¹, а специфику художественного текста, в частности, причины его предельной информативности, Ю. М. Лотман связывает с тем, что в художественной структуре «любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых», и «элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения»⁸², — то есть с тем, что А. В. Чичерин назвал бы стилистическими особенностями языка художественных произведений.

Когда Чичерин говорит о том, что изучение стиля предусматривает учёт не только случаев гармонического соединения элементов, но и рассмотрение «ухабов, провалов, ритмических перебоев, диссонансов»⁸³, то он фактически переключается не только с идеями Тынянова об автоматизации и поддержке динамизма констритивного принципа в процессе литературной эволюции (см., например, его работу «О литературной эволюции»), а и с лотмановской характеристикой структурных механизмов автоматизации и деавтоматизации как одного из важнейших источников информативности художественного текста⁸⁴. Точно так же не только с Виноградовым, о чём уже писал в своё время П. Е. Бухаркин⁸⁵, но и с Лотманом роднит чичеринские стилистические исследования общий для всех трёх принцип историзма, ведь Лотман даёт конкретное (с примерами, на присутствие которых всегда обращал внимание Чичерин) описание

⁸¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — С. 9.

⁸² Там же. — С. 36.

⁸³ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 5.

⁸⁴ См.: Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — С. 41, 43.

⁸⁵ «Несмотря на то, — читаем у П. Е. Бухаркина, — что между ними имелись существенные расхождения, приводившие к полемике, общий пафос их трудов во многом совпадает. Оба исследователя, в конечном счёте, стремились начертать своими работами контуры <говоря словами Виноградова>, исторической поэтики русской литературы, понимаемой как движение повествовательных форм, тесно связанное с развитием русского языка» (см.: Олексій Чичерін: Біобібліографічний покажчик: (До 100-річчя від дня народження). — Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000. — С. 129).

исторического движения поэтических структур⁸⁶.

Боле того, учитывая историческую перспективу, можно утверждать, что и чичеринская методология органичного изучения литературного стиля, и лотмановский вариант структурно-семиотического литературоведения объективно не противостоят друг другу по базовой целевой направленности, поскольку представляют собой разные пути движения к одной цели — раскрытию имманентной сущности литературно-художественного произведения / текста как феномена искусства. Если Чичерин двигался от *методологического* проектирования своей очень компактно и сжато изложенной теоретической доктрины литературного стиля, демонстрируя конкретные примеры её практического использования в определённой последовательности осуществляемого литературоведческого анализа целостно (по определению П. Ивинского⁸⁷) воспринятых отдельных художественных произведений и творчества определённых писателей, то Лотман сосредоточивается на полной *теоретической* разработке проблемы структуры художественного текста и уже на её фундаменте пытается предложить такие эвристические алгоритмы, которые сделали бы возможным изучение целостности художественного текста в аспекте «его идейно-художественного единства» (т. е. с ориентацией на вопрос: «Как построен текст, и зачем он построен именно таким образом?»), позволив «сделать искусство предметом рассмотрения, не „убивая” его»⁸⁸. И тут показательно, что и Чичерин свой стилистический анализ, и Лотман свой структурно-семиотический анализ считали обязательным *начальным* (и поэтому интегрально-базовым) этапом в изучении литературных произведений⁸⁹. А это значит, что и структуралист

⁸⁶ См.: Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — С. 55–59, 25–27.

⁸⁷ См.: Ивинский П. Из истории советского литературоведения : Алексей Владимирович Чичерин: (К 85-летию учёного) // Литература. — Вильнюс, 1986. — № XXVIII (2): Literaturos istorijos ir teorijos klausimai = Вопр. теории и истории лит. — С. 7.

⁸⁸ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — С. 6.

⁸⁹ Ср.: А. В. Чичерин: в исследовании художественной литературы, в частности её истории, «следовало бы начинать» с индивидуальных стилей, которые заслуживают «самого пристального внимания» (Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 3), т. е. с

Лотман, и антиструктуралист Чичерин исходили из единой методологической установки, которую можно сформулировать следующим образом: любое профессиональное рассмотрение словесного искусства должно опираться на реальность художественного текста / произведения как на интегральный фундамент его научного исследования и общей рецепции.

В то же время системное сопоставление с эвристическим опытом Лотмана позволило бы, с моей точки зрения, продуктивно конкретизировать (в плоскости закона культурной преемственности) некоторые положения доктрины Чичерина, к примеру, о недопустимости нейтральных (стилистически нейтральных) элементов в искусстве: «Нейтральное — это слабость, это промах в искусстве»⁹⁰. Ведь в структурной поэтике Лотмана есть положения, гласящие: не всё, что входит в материальную данность произведения, имеет структурное значение (различение структурных и внеструктурных элементов); разные уровни художественного текста по степени своей упорядоченности (виды нарушения повторяемости) могут иметь разную структурную нагрузку и смысловую роль, особенно касательно действия двух смыслообразующих механизмов — автоматизации и деавтоматизации⁹¹. Но это уже вопросы, требующие отдельного рассмотрения.

А. В. Чичерин
и
А. М. Левидов

Интегрирующий в широкое научное пространство потенциал имеет и присущая исследованиям А. В. Чичерина сознательная ориентация на реципиента, на воспитание читательской культуры, так как литературовед, предстая в своей научной деятельности *мета*читателем (как сказал бы М. Я. Гольберг) литературы, не перестаёт быть

исследования «внутренней формы слова, его звуковой выразительности, смысловой и аналитической роли синтаксических форм, характера и значения надфразового единства и пр.» (Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 6); Ю. М. Лотман: литературоведческое структурное исследование поэтического произведения, «взятого как отдельное, уже законченное и внутренне самостоятельное целое», — это «необходимый, но всё же начальный этап изучения произведения»; на этой стадии внимание сосредоточивается на «специфически художественном значении текста, делающем его способным выполнять определённую — эстетическую — функцию», на его «собственно эстетической природе» (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — С. 7, 8, 9).

⁹⁰ Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 26.

⁹¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — С. 13, 42–43.

просто внимательным читателем: «Дать сначала полный ход увлеченному чтению — это право, законно принадлежащее литературоведу, как и всякому гражданину. И горе тому, кто утратил непосредственность и трепетность рядового читателя. Всё же подлинное филологическое отношение к стилю не замораживает, а оживляет восприятие текста»⁹². Учитывая это, Чичерин сознательно избрал «направление, цель которого — повысить уровень культуры восприятия литературного произведения, сделать более видимым, осязаемым искусство слова»⁹³, стремясь в своих работах «дать в руки лупу, ...которая ведёт прямо в художественную сущность поэтического текста, не выдвигая теоретических пристроек»⁹⁴.

Аналогичную цель (научить читать художественную литературу, помочь читателям перейти от непосредственного впечатления к глубокому пониманию прочитанного) преследовал и ленинградский учёный-педагог А. М. Левидов, идя к ней иным путём — через рассмотрение вопросов об общей специфике художественной литературы и её отношений с внелитературной действительностью, о художественном образе и его структуре, о разновидностях образов персонажей, о сюжете и фабуле, об объективации действительности в литературе, в творчестве автора и сотворчестве читателя, о художественной типизации и пр.⁹⁵ Но такую же цель преследовал и Лотман, органично и плодотворно соединяя в своих историко-литературных трудах⁹⁶ принципы традиционного литературоведческого и структурно-семиотического подходов. И не только А. В. Чичерин, А. М. Левидов или

⁹² Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 433.

⁹³ Там же. — С. 432.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См.: Левидов А. М. Автор — образ — читатель / Александр Михайлович Левидов; [предисл. В. Н. Месяцева и В. Г. Иванова, И. И. Тихомирова]. — [2-е изд., доп.]. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. — 352 с. — (Изд. первое. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 360 с.); *его же*. Литература и действительность / Александр Михайлович Левидов; [сост. и подгот. текста В. А. Левидова]. — Л.: Сов. писатель, 1987. — 431 с., ил.

⁹⁶ См., например: Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь: пособие [для учит.]. — М.: Просвещение, 1988. — 348 с.; *его же*. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие [для учит.]. — [Изд. второе]. — Л.: Просвещение, 1983. — 416 с.

Ю. М. Лотман, но и Б. М. Эйхенбаум, А. И. Белецкий и др. учёные осуществляли свою исследовательскую деятельность с осознанием того, что литературное произведение «„живёт”, пока его читают. Но и человек становится читателем не тогда, когда он просто читает (в этом случае он гоголевский Петрушка и никто более), а вступает в диалог с писателем, в диалог, который ведётся посредством художественного образа»⁹⁷. Но этом фоне обращает на себя внимание то, что Чичерин, ориентируясь на воспитание при помощи филологических трудов читательской культуры, видел в этом реальную возможность воздействовать на перспективы развития самой художественной литературы⁹⁸.

Перечень подобных точек пересечения можно продолжить, прибавив сюда, к примеру, и свойственное Чичерину и Бахтину (каждому по-своему, естественно) различие архитектоники и композиции художественного произведения⁹⁹, и близость отношения Чичерина к слову тому значению, которое придавал слову и лексическому уровню поэтической структуры Лотман. Не лишним было бы сравнить взгляды Чичерина на роман философских исканий¹⁰⁰ с рассмотрением Л. Я. Гинзбург моделей

⁹⁷ Романичева Е. С. Уроки Александра Белецкого / Е. С. Романичева. — Режим доступа: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200600116>

⁹⁸ См.: Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 236.

⁹⁹ Ср.: А. В. Чичерин, прибегнув к горьковскому термину «язык — это первоэлемент литературы», отмечает, что именно в языке — истоки поэтического образа, архитектоники (то есть органического и закономерного сцепления частиц) и композиции произведения в целом» (Чичерин А. В. Ритм образа: Стилистические проблемы. — С. 5); М. М. Бахтин: архитектурные формы — это «формы эстетического бытия в его своеобразии», они входят в эстетический объект (т. е. содержание эстетической деятельности как созерцания) и касаются его структуры, тогда как композиция касается построения внешнего материального произведения как явления языка, почему композиционные формы не входят в эстетический объект (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / Михаил Михайлович Бахтин. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 17, 20, 21 и др.). Другое дело, что рассмотрение этих позиций таких разных учёных, как Чичерин и Бахтин, предполагает scrupulous системный анализ всех совпадений и расхождений в связи с основаниями их научного мышления.

¹⁰⁰ См.: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 274–313; *его же*. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. — С. 152–192.

человека в литературе¹⁰¹ и её концепцией психологической прозы. Богатые познавательные возможности содержит сравнение достижений Чичерина с опытом других исследователей в плоскости изучения взаимосвязи проблемы стиля и проблемы жанра. Учитывая то, что А. В. Чичерин (и это его сознательная исследовательская установка) всегда высказывал свою позицию чётко и недвусмысленно, что делает его дискурс ответственным, открытым для диалога и критики, компаративное рассмотрение научного наследия учёного приобретает принципиально методологическое значение, ибо способно питать и стимулировать внутреннюю динамику литературоведческой мысли.

Таким образом, адекватная оценка научных достижений и эвристической позиции А. В. Чичерина невозможна без привлечения опыта других литературоведческих парадигм XX в., которое позволяет методологически и теоретически интегрировать (а значит, и продуктивно упорядочить) имеющийся в литературоведении гносеологически-эвристический опыт для выяснения его перспективного потенциала. Более того, какую бы то ни было концепцию или методический алгоритм следует рассматривать на богатом фоне разнообразной по своим параметрам динамики научной мысли, в пространстве которой неизбежно образуется сеть точек пересечения разных (вплоть до противоположных) методологических подходов и теоретических парадигм. И именно система этих точек соприкосновения проявляет фундаментальные научные постулаты собственно методологического характера: она регулирует и направляет эвристическую деятельность, сигнализирует о необходимости сохранения общей целостности человеческого познания и связанного с этим пространства взаимопонимания, трансляторности и диалога, без чего невозможны интеллигибельность достигнутых гносеологических результатов да и сама общая культуросозидательная деятельность науки.

Всё это даёт основания утверждать, что как бы не отличались между собой конкретные методологические принципы указанных опытов, они всё же едины в определяющих гносеологическую деятельность параметрах. И это не случайно, ибо сам А. В. Чиче-

¹⁰¹ Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Лидия Яковлевна Гинзбург. — Л.: Сов. писатель, 1979. — С. 123–129 и др.

рин, как и В. В. Виноградов, Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин, а также Д. С. Лихачёв¹⁰², Б. М. Эйхенбаум, Л. Я. Гинзбург, А. М. Левилов и Ю. М. Лотман, как и А. И. Белецкий и Н. К. Гудзий, которых профессор Чичерин лично знал и которым посвятил отдельные публикации¹⁰³ — все они были сформированы в лоне, так сказать, *органичного филологического подхода*, которому присуще восприятие художественной литературы в её онтологической самости (имманентности) как искусства слова с ориентацией на сквозную литературоведческую (теоретико- и историко-литературную) проблематику. Все они заботились об одном — о живом творчестве, требовали от исследователя чутья своего предмета, любви к нему, целенаправленности, точности¹⁰⁴ и конкретности мысли, её аргументированности и в целом ответственности

¹⁰² Как вспоминает Н. Х. Копыстьянская, Д. С. Лихачёв «трижды был инициатором представления А. В. Чичерина», которого считал «одним из самых выдающихся учёных филологической науки, на звание академика АН СССР, и каждый раз из Киева приходило возражение» (Олексій Чичерін: Біобібліографічний покажчик: (До 100-річчя від дня народження). — С. 14).

¹⁰³ См.: Чичерин А. В. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. — С. 208–228; *его же*. Памяти Николая Каллиниковича Гудзья / А. В. Чичерин // Вопр. рус. лит.: межвед. научн. сб. — Львов, 1967. — Вып. 3 (6). — С. 28–39; *его же*. М. К. Гудзий — дослідник слов'янських літератур / О. В. Чичерін // Велика Жовтнева соціалістична революція і культура слов'янських народів: тези доп. сьомої укр. славіст. конф. (30 верес. – 3 жовт. 1966 р.). — Дніпропетровськ, 1966. — С. 104–105; *его же*. Статьи А. И. Белецкого о классиках зарубежной литературы / А. В. Чичерин // Теория и история литературы: (К 100-летию со дня рожд. акад. А. И. Белецкого). — К.: Наук. думка, 1985. — С. 276–282.

¹⁰⁴ Ср., например: А. В. Чичерин: «Высшая точность в философии, в истории, в филологии — это точность самой мысли, зоркость восприятия, опирающегося на достоверность изучаемого текста и связанных с ним обстоятельств и фактов. Высшая точность — в очищенном и строгом языке самого исследования. И это ставит перед филологом нелёгкую задачу» (Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. — С. 8; см. также оценку философии языка М. Гумбольдта: Чичерин А. В. Идеи и стиль: О природе поэтического слова. — С. 35); Д. С. Лихачёв: «Если литературоведение и неточная наука, то она должна быть точной. Её выводы должны обладать полной доказательной силой, а её понятия и термины отличаться строгостью и ясностью» (Лихачёв Д. С. Об общественной ответственности литературоведения // Избр. произведения: В 3 т. / Дмитрий Сергеевич Лихачёв. — Л.: Худож. лит., 1987. — Т. 3. — С. 453); Л. Я. Гинзбург: «...нужен мне анализ, целесообразность слова, точность. Главное, точность» (Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе / Лидия Яковлевна Гинзбург. — СПб.: Искусство-СПб, 2002. — С. 252). Примеры можно умножить.

исследователя, понимания высокой общественной и культуросоци-
дательной функции науки о литературе.

Вместо заключения

В уже упомянутом эссе «Тынянов-литературовед» Л. Я. Гинзбург писала: «Наследство замечательных учёных воспринимается нередко в виде отстоявшихся, заведомо известных читателю формул», в то время когда для дальнейшего развития науки нужна «не канонизация выхваченных из контекста формул учёного, а непредрежённое прочтение его трудов, включение его мыслей в новые исследовательские связи»¹⁰⁵. Именно такого отношения требует творческое наследие Алексея Владимировича Чичерина — выдающегося учёного-филолога, на творческое освоение научного опыта которого направляют свои усилия его современные потомки — сотрудники созданной этим учёным во Львовском национальном университете имени Ивана Франко кафедры зарубежной (ныне — мировой) литературы.

¹⁰⁵ Гинзбург Л. Я. Тынянов-литературовед. — С. 447.

ОБ АВТОРЕ

КОЗЛИК Игорь Владимирович (04.12.1961, г. Станислав, ныне Ивано-Франковск, Украина) — украинский литературовед. Д-р филологических наук (2008), профессор (2010). Окончил Ивано-Франковский государственный педагогический институт им. В. С. Стефаника (1983). С 1990 работает в Прикарпатском университете (Ивано-Франковск): доцентом кафедры русской и зарубежной литературы (1991–2009), с 2009 — профессором кафедры мировой литературы. Научные исследования в сферах теории литературы и литературной критики, методологии литературоведения, истории русской литературы XIX–XX вв., истории мировой литературы от Древности до эпохи Возрождения, литературоведческой компаративистики (украинско-польские общественно-литературные взаимоотношения), методики преподавания литературоведческих дисциплин в вузах, литературоведческой библиографии. Предложил интегративный методологический подход изучения литературно-художественных явлений, базирующийся на синтезе базовых принципов СМД-методологии Г. П. Щедровицкого и философской герменевтики Х.-Г. Гадамера и позволяющий нейтрализовать в сфере науки о литературе отрицательные последствия сциентизма и крайней специализации научной деятельности; разработал теорию пространственного толкования категории «жанр» относительно лирического рода литературы, используя её к теоретическому анализу феномена философской лирики в векторе различения компетенции гносеологических сфер общей и прикладной теории литературы; отстаивает идеи существенной интенсификации теоретической отрасли литературоведения и организации системной методологической рефлексии существующих литературоведческих практик как ведущего механизма качественного изменения профессионального уровня восточно-европейской науки о литературе в соотношении с современными достижениями мировой гуманитаристики.

Соч.: Козлик И. В поэтическом мире Ф. И. Тютчева / И. В. Козлик. — Ивано-Франковск: Плай; Коломыя: ВіК, 1997. — 156 с.; Козлик И. Романизация лирики Н. А. Некрасова («панаевский» цикл) / И. В. Козлик // Рус. лит. — 1997. — № 3. — С. 29–41; Козлик І. Вступ до історії західноєвропейської літератури середньовічної цивілізації. Історико-культурний макроетап рефлексивного традиціоналізму. Доба Середньовіччя та епоха Відродження / І. В. Козлик. — Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець, 2003. — 341 с.; Kozłyk I. Проблема культурного пограниччя: спроба теоретичної ідентифікації / I. V. Kozłyk // Acta Polono-Ruthenica. — Olsztyn: Wyd. Uniwersytetu Warmińskiego-Mazurskiego, 2005. — Т. X. — S. 9–20; Козлик І.

Літературна критика і літературознавство: проблематика взаємостосунків у методологічному аспекті / І. В. Козлик // Слово і час. — 2007. — № 6. — С. 8–14; Козлик І. Теоретичне вивчення філософської лірики і актуальні проблеми сучасного літературознавства / І. В. Козлик. — Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець, 2007. — 591 с.; Козлик І. Творча спадщина Миколи Гоголя в площині теоретико-літературної проблематики / І. В. Козлик // Гоголезнавчі студії. — Ніжин: НДУ ім. М. В. Гоголя, 2009. — С. 77–107; Козлик І. Мультикультуралізм и методологические проблемы литературоведения // Вест. Томск. гос. ун-та. Филология. — 2009. — № 2(6). — С. 41–58; Козлик І. Методологічні аспекти теорії літературного стилю О. В. Чичеріна: (Repetitorium до теми) / І. В. Козлик. — Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2010. — 44 с.; Козлик І. Про методологічні проблеми викладання російської літератури у вищих навчальних закладах України / І. В. Козлик // Слово і час. — 2010. — № 2. — С. 77–82; Світова література доби Середньовіччя та епохи Відродження: навч. посібник [для студ. вищ. навч. закл.]. — Івано-Франківськ: Симфонія форте, 2011. — 344, [1] с.: іл. — Бібліогр.: с. 235–291.

Лит.: Ігор Володимирович Козлик: Показчик публікацій / [упор. Гуцуляк О. Б.]. — Івано-Франківськ: Поліграф люкс, 2003. — 31 с.; Ігор Володимирович Козлик: Показчик публікацій [Електронний ресурс]. — Режим доступу: www.kozlykigor.narod.ru ; *Białokozowicz B.* // *Polska i jej wschodni sąsiedzi.* — Rzeszów: Wyd. Uniw. Rzeszowskiego, 2009. — Т. 10. — С. 225–228.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

- Аверинцев С. С. 7
 Аксаков С. 12, 13
 Бакушинский А. В. 18
 Бальзак О. де 8, 12-14, 29
 Баратынский Е. А. 6, 12, 13
 Бахтин М. М. 10, 13, 30-35, 41, 43
 Белецкий А. И. 10, 41, 43
 Белинский В. Г. 8, 11, 12
 Белый Андрей 7
 Бонди С. М. 7, 10
 Борковский В. И. 8
 Булгаков М. А. 7
 Бурсов Б. И. 8
 Бухаркин П. Е. 6, 14, 37
 Васильев Е. 4
 Венгеров С. А. 35
 Виноградов В. В. 17, 21, 30, 31, 35, 43
 Винокур Г. О. 10
 Галич А. 4
 Гегель Г. В. Ф. 29, 32
 Гёте И. -В. 11, 14
 Гинзбург Л. Я. 15, 16, 34, 35, 41-44
 Гиришман М. М. 29
 Гоголь Н. В. 12, 13, 40
 Головченко Н. 4
 Гольберг М. Я. 40
 Гончаров И. А. 12, 13
 Горький А. М. 12-14
 Григоров С. Н. 34
 Гулзий Н. К. 14, 43
 Гумбольдт В. 21, 29, 32, 43
 Державин Г. Р. 13
 Достоевский Ф. М. 11-14, 33
 Егоров Б. Ф. 37
 Жирмунский В. М. 10, 17, 34
 Жуковский В. А. 13
 Золя Э. 11, 12
 Ивинский П. 38
 Ильин И. А. 7
 Кобылянская О. 9
 Козлик И. В. 17, 18, 27, 45-46
 Козлов А. С. 4
 Коновалов С. 6
 Копыстьянская Н. Х. 6, 8, 14, 43
 Коцюбинский М. 9
 Кривцов С. И. 6
 Лавров Г. 7
 Ларин Б. А. 17
 Левидов А. М. 39, 40-43
 Левитан Л. С. 25-27
 Лермонтов М. Ю. 12, 13, 40
 Лесков Н. С. 12, 13, 26
 Лихачёв Д. С. 10, 34, 43
 Ломоносов М. В. 12
 Лосев А. Ф. 7
 Лотман Ю. М. 23, 24, 35, 37-39, 41, 43
 Луговской В. А.
 Маковей О. 9
 Манн Т. 13
 Мещеряков В. П. 4
 Моцарт В. А. 6
 Нагирный М. 9
 Назарев В. 4
 Некрасов Н. А. 12
 Нусинов И. М. 7
 Павлов Н. Ф. 6
 Палеолог С. 6
 Панив Л. 6, 14
 Парнок С. Я. 7
 Пастернак Б. Л. 7
 Поспелов Г. Н. 4
 Потебня А. А. 29, 32
 Пушкин А. С. 11-13, 29, 40
 Распутин В. 14
 Рембрандт 13
 Роллан Р. 11, 12
 Романичева Е. С. 41
 Сац Н. Н. 7
 Соколов А. Н. 17
 Соссюр Ф. де 21, 23
 Тараник-Ткачук К. В. 4
 Тимофеев Л. И. 4
 Ткаченко А. А. 4
 Толстой Л. Н. 11, 12, 28, 33
 Томашевский Б. В. 7, 8
 Тургенев И. С. 12-14
 Тынянов Ю. Н. 10, 15, 34, 35, 37, 43, 44
 Тютчев Ф. И. 12, 13
 Фет А. А. 12, 13
 Франк С. Л. 7
 Франко И. Я. 6-9, 14, 44
 Француз К. Э. 9
 Хализев В. Е. 4
 Цилевич Л. М. 25-27
 Чехов А. П. 11, 13, 28
 Чичери (Чичерини) А. 6
 Чичерин Б. Н. 6
 Чичерин Г. В. 6
 Чичерин Н. В. 6
 Чичерина Е. П. 7
 Чичерина С. Н. 6
 Шевченко Т. Г. 9
 Шпет Г. Г. 7, 32
 Щедрин М. Е. 12, 13
 Щедровицкий Г. П. 17
 Эйхенбаум Б. М. 8, 10, 41, 43
 Энгельгардт Б. М. 10
 Эткинд Е. Г. 36
 Якимович Б. 6, 14

Науково-методичне видання

Ігор Володимирович Козлик

МЕТОДОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ
ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРНОГО СТИЛЮ О. В. ЧИЧЕРІНА
(REPETITORIUM ДО ТЕМИ)

(Російською мовою)

*Друкується за ухвалою Вченої ради Інституту філології
Прикарпатського національного університету
імені Василя Стефаника*

Ідея проекту	М. В. Теплінський
Оригінал-макет	І. В. Козлик
Технічний редактор	Л. М. Вашкевич
Оформлення обкладинки	І. В. Козлик

Підписано до друку 12.01.2011. Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура «Times New Roman».
Ум. друк. арк. 2,3. Тираж 100.

ТзОВ «СИМФОНІЯ форте»: 76019, Івано-Франківськ, вул. Крайківського, 2